

Жаропонижающее подействовало быстро: уже через полчаса Ли Жун ощутил, как температура начала спадать. Однако слабость никуда не делась — лекарство лишь сбивало жар, но было бессильно против самого воспаления. В обычных обстоятельствах ему следовало бы провести весь день в постели, позволяя организму восстановиться и укрепить иммунитет.

Но сейчас времени на «обычные обстоятельства» не оставалось.

Как только Юй Фуянь забронировал билеты, Цэнь Сяо тут же прислал сообщение.

[Цэнь Сяо: Самый ранний рейс — в семь вечера. Первого класса нет, только эконом. Постарайся поспать. Я заказал тебе завтрак. Я надёжно заблокировал все новости об отчёте, так что не волнуйся]

Цэнь Сяо не стал упоминать о крайнем сроке, установленном Хань Цзяном. Он понимал: узнай об этом Ли Жун, и о сне можно будет забыть.

Ли Жун перечитал сообщение, медленно проводя подушечкой пальца по экрану смартфона. Спустя мгновение он глубоко вздохнул.

«Раз вылет только вечером, нельзя терять ни минуты»

[Ли Жун: Хорошо. Но завтрак отмени, я уже разогрел себе хлеб. Сейчас лягу поспать и боюсь, что не услышу звонка в дверь]

[Цэнь Сяо: Тогда напиши мне, как проснёшься]

[Ли Жун: Понял]

Выйдя из чата, парень взглянул на время. Восемь утра — самый пик часа пик. До семи вечера оставалось еще одиннадцать часов.

Он распахнул шкаф, достал самый плотный пуховик и закутался в него, словно в кокон. Обычное движение — просто одеться — заставило его покрыться потом. Присев на край кровати, Ли Жун подождал, пока сердцебиение утихнет, а силы хоть немного вернуться. Лишь после этого он поднялся, сунул в карман жаропонижающее и вышел из дома.

Едва он открыл дверь, как в лицо ударил резкий утренний ветер, смешанный с колючей снежной крупой. Скучное зимнее солнце жадно цеплялось за землю, но его тепло гибло в морозном воздухе, лишь помогая ледяным кристаллам застывать на тротуаре.

Юноша прикрыл бледное лицо воротником и набрал номер, который хранил в памяти телефона, но до сих пор ни разу не использовал. Гудки шли секунд десять, прежде чем трубку сняли. Сначала донесся пронзительный скрежет пилы по металлу, а затем — звонкий стук упавшей арматуры.

— Алло? — раздался громкий голос, сопровождаемый тяжелыми шагами.

Наконец шум мастерской стих, и Ли Жун смог расслышать собеседника. Подняв руку, он остановил проезжающее такси. Сев в машину, он произнес предельно спокойным тоном:

— Хуан Байкан, мне нужна твоя помощь.

На том конце провода воцарилась тишина.

— Ты... тот школьник? Ли Жун? — в голосе сквозило неприкрытое удивление.

Хуан Байкан явно не ожидал звонка, а уж тем более того, что юноше действительно может что-то от него понадобиться.

— С деньгами проблем не будет, — ровным голосом продолжил Ли Жун. — Ты возьмешься?

Хуан Байкан хмыкнул:

— Сначала скажи, что нужно делать.

Ли Жун услышал, как он лениво опустился на стул — старый металл отозвался жалобным скрипом.

— Я пришлю тебе адрес магазина лунных пряников, — Ли Жун понизил голос, чтобы водитель, слушавший радиопередачу, ничего не разобрал. — Неважно, какой метод ты выберешь, мне нужны ответы. Выясни, подвергался ли Цзян Шэн давлению перед своим падением. Угрожали ли его семье люди из фармацевтической компании «Мэйцзян». В ту ночь, когда это случилось, он виделся с родными — было ли в его поведении что-то необычное?

Хуан Байкан проявил похвальную бдительность:

— А кто такой этот Цзян Шэн?

— Сотрудник Девятого района, погибший в результате падения из окна, — бесстрастно ответил Ли Жун. — Официально — несчастный случай. Внутри отряда «Призрачный глаз» считают, что его устранили.

Хуан Байкан приподнял бровь. Раньше он ничего не знал о «Ланьшу» или «Хунсо», но после того как его втянули в историю с диссертацией Ли Цинли, он невольно начал интересоваться кругами, столь далекими от его привычной жизни. Теперь он прекрасно понимал, какой вес имеет следственная группа Девятого района.

— То есть ты сомневаешься в официальной версии? — с любопытством уточнил он. — Думаешь, следствие допустило ошибку?

Ли Жун коротко усмехнулся:

— Нет. Я подозреваю, что ошиблись в следственной группе. Или их намеренно ввели в заблуждение.

В глазах Хуан Байкана вспыхнул азарт. Дело принимало интригующий оборот.

— Любым способом, значит?

— Да, — Ли Жун прикрыл глаза. — Мне нужен результат сегодня до семи вечера. О своих методах можешь не докладывать.

Услышав последнюю фразу, Хуан Байкан не выдержал и мелко затрясся в беззвучном смехе:

— Всё-таки ты еще ребенок.

Повесив трубку, Ли Жун откинулся на спинку сиденья. В горле стоял ком, он через силу сглатывал вязкую слюну. В салоне такси стоял тяжелый, душливый запах: смесь машинного масла, бензина и сырой ветоши. Дорога была скользкой, водитель то и дело притормаживал и снова трогался. Эта качка в сочетании с тошнотворным амбре заставила желудок сжаться в мучительном спазме. Казалось, едва съеденный хлеб вот-вот попросится наружу.

Кое-как добравшись до полицейского участка на улице Сюэфу, парень расплатился и, едва ступив на тротуар, вцепился в стену. Его дважды сотрясло в сухом приступе рвоты. Стиснув зубы, он прижал руку к животу, пытаясь унять резь, и несколько минут просто глубоко дышал холодным воздухом.

Магазин напротив участка уже закончил ремонт: на месте лапшичной теперь красовалась яркая вывеска чайной. Несмотря на мороз, желающих купить горячий чай с молоком было предостаточно — густой аромат сливок и фруктового джема волнами разливался по улице.

Ли Жун поправил шарф, открывая лицо, и вошел в здание участка.

— Здравствуйте. Я ищу офицера Чэнь Пина. Он вел моё дело.

Чэнь Пин — тот самый полицейский, что разбирался с историей об украденном жестком диске. После того случая он узнал достаточно подробностей, чтобы проникнуться сочувствием к несправедливо обвиненной Сюй Танхуэй и симпатией к Ли Жуну, который не побоялся за нее заступиться.

Увидев юношу, Чэнь Пин озадаченно взъерошил волосы.

— Всё в порядке, я его знаю, — бросил он коллегам. — Пойдем со мной.

Прихватив кружку с чаем, офицер привел Ли Жуну в свой кабинет. Усевшись за стол, он кивком указал на свободный стул своего напарника.

— И что на этот раз? — со вздохом спросил он.

Ли Жун сел, его взгляд был предельно серьезным. Он произнес, чеканя каждое слово:

— Мне нужно подтверждение. По делу Цзян Шэна. С точки зрения процедуры — к нему действительно нет никаких вопросов?

При упоминании этого имени Чэнь Пин мгновенно подобрался. Он опасливо огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, поставил кружку на стол. Подавшись вперед, он прошептал:

— Я же тебе уже говорил: абсолютно никаких. Это дело вел не наш участок, по совести я вообще не должен был в него соваться. Только благодаря однокурснику и удалось узнать... Вы, молодежь, вечно нам не доверяете. Если бы в каждом деле были подвохи, в обществе давно бы воцарился хаос.

Собеседник мягко коснулся руки офицера, прерывая его эмоциональную жестикуляцию.

— Дело не в недоверии. Я доверяю полиции свою безопасность, поэтому и хочу знать как можно больше.

Чэнь Пин нахмурился:

— Это ты к чему? Подожди... почему ты такой бледный?

Ли Жун поджал губы и ответил как бы невзначай:

— Цзян Шэн погиб вскоре после того, как начал копать под фармацевтическую компанию «Мэйцзян». Мне тоже предстоит визит к ним. Хочу заранее понимать, на что они способны,

чтобы быть готовым ко всему.

Офицер посмотрел на него с тревогой. Перед ним сидел изнуренный, едва держащийся на ногах юноша, втянутый в опасные игры.

— Как тебя вечно заносит в такие дебри? Тебе бы жизнью наслаждаться, а ты довел себя до такого состояния.

Ли Жун лишь горько усмехнулся:

— А вы думаете, я сам не хотел бы просто жить?

Чэнь Пин замолчал. После их прошлой встречи он навел справки о том, кто такие Ли Цинли и Гу Нун, и знал, что довелось пережить их сыну. Он не знал, были ли Ли Цинли и Гу Нун действительно оклеветаны, но никаких официальных заявлений по этому поводу так и не последовало. Медицинская компания «Нунъань» обанкротилась под давлением общественного мнения: партнеры в одностороннем порядке разорвали контракты. А затем — нелепая смерть супругов от отравления газом и травля, которая преследовала Ли Жуна долгие месяцы.

У этого парня действительно не было возможности «просто наслаждаться жизнью». Вздохнув, Чэнь Пин продолжил уже серьезнее:

— Послушай, дело Цзян Шэна я изучил лично, попросил товарища поднять архивы. Могу ручаться: всё было сделано по инструкции. На месте происшествия — ни одной подозрительной детали. Записи с камер у его подъезда проверены, замки и окна — целы. Никто не врывался, никто не угрожал. В телефоне и компьютере тоже чисто — никаких следов шантажа или угроз.

Он отхлебнул чаю и добавил:

— В тот вечер он очень много выпил. Соседи говорят, он был в прекрасном настроении, громко пел караоке, даже старушке за стеной мешал отдыхать. Позже внизу, под окнами, поссорилась какая-то парочка. Шум стоял на весь двор, многие вышли на балконы поглазеть. Цзян Шэн тоже высунулся, потерял равновесие и сорвался вниз. Из-за опьянения реакция была замедленной, он даже не попытался сгруппироваться.

Ли Жун кивнул, уголок его рта едва заметно дернулся.

— Хорошо. Я верю.

Чэнь Пин посмотрел на его мертвенно-бледное лицо:

— И всё же... береги себя. Ты еще слишком молод, у тебя всё впереди.

Парень улыбнулся, поднялся, опираясь на стул, и попрощался. Покинув участок, он направился не домой, а в университет.

Снежная крупа наконец перестала сыпаться с неба, оставив на асфальте лишь тонкий белый налет. Колеса машин прорезали в нем влажные извилистые колеи. Несмотря на теплый пуховик, руки и ноги юноши начали неметь от холода, но выдыхаемый им воздух казался обжигающе горячим, превращаясь на морозе в мягкие облачка пара.

У входа в столовую вывесили тяжелые утепленные шторы, но толпы студентов, снующих туда-сюда, сводили их пользу на нет. Внутри было ненамного теплее, поэтому многие предпочитали забирать еду с собой в общежитие.

Ли Жун зашел в свою комнату и, даже не снимая куртки, рухнул на кровать. Лишь в этот момент он почувствовал мимолетное облегчение, хотя в висках начала пульсировать тупая боль — запоздалая реакция на ледяной ветер.

Он лежал с закрытыми глазами, борясь с дурнотой, но не выпуская из рук телефон. Он ждал вестей от Хуан Байкана, хотя и понимал, что еще слишком рано. Цэнь Сяо, решив, что он спит, не беспокоил его звонками.

Ли Жун раздумывал, стоит ли посвящать Цэнь Сяо в свои планы, но... тот наверняка придет в ярость. Лучше рассказать позже.

В полузабытьи он дотянул до полудня. Вскоре в коридоре послышались шаги — Хэ Чанфэн вернулся сразу после лекций. Дверь распахнулась с грохотом: у Чанфэна в обеих руках было по огромному пакету с обедом, так что закрывать за собой ему пришлось ногой.

— Фью-фью-ла-ла-ла... — весело напевал он под нос, явно пребывая в добром расположении духа.

Он водрузил пакеты на стол и начал расстегивать куртку, намереваясь достать из холодильника газировку. Ли Жун поднялся и вышел из своей спальни. Хэ Чанфэн вздрогнул, не ожидая увидеть соседа дома.

— О, ты когда вернулся? — удивился он.

Он уже привык, что Ли Жун почти не ночует в общежитии. Сосед выглядел изможденным: губы пересохли, глаза покраснели от недосыпа и жара.

— Утром, — хрипло ответил юноша.

Чанфэн окинул его внимательным взглядом:

— Ты что, приболел?

Ли Жун опустил взгляд и тихо произнес:

— У меня к тебе просьба... Неловко даже спрашивать, вещь слишком дорогая.

Хэ Чанфэн нахмурился:

— Дорогая? О чем ты?

Денег у него было в избытке, и то, что другие считали роскошью, для него часто не имело большой цены. Ли Жун поднял глаза, его ресницы мелко дрогнули. Он смущенно улыбнулся:

— Скоро день рождения моей бабушки. Она человек верующий... Ей очень понравился твой кулон, и я хотел бы заказать ей такой же. Не мог бы ты одолжить мне его на пару дней? Если переживаешь, я могу оставить залог.

Хэ Чанфэн невольно коснулся шеи, нащупав серебряный крест. Это было брендовое украшение, и цена его была неоправданно высокой, но если просто сделать копию в ювелирной мастерской, это не будет стоить почти ничего. Примерно так он и оценивал финансовые возможности товарища.

Больше всего Хэ Чанфэн боялся показаться скрягой, к тому же вещь ценой в несколько десятков тысяч для него не была чем-то значимым. Он не разделял набожности отца и носил крест скорее по привычке. Его даже раздражало, когда люди, видя символ, начинали задавать вопросы о вере.

Он легко снял цепочку, взвесил ее на ладони и бросил Ли Жуну.

— Да ладно, какой залог. Бери, если нужно.

Тот поймал украшение. Ощувив тяжесть чистого серебра, он испытал странное, смешанное чувство. В этом кресте была видна вся забота Хэ Даюна о сыне: в навершие был искусно вправлен редкий зеленый бриллиант. Этот камень символизировал надежду, здоровье и саму жизнь. Хэ Даюн искренне желал сыну долголетия и мира, ограждая его от любых бед.

Именно поэтому Хэ Чанфэн оставался в блаженном неведении о делах отца. Хэ Даюн, всё глубже погружаясь в пучину преступлений, пытался выстроить для сына чистый, непорочный мир. Но этот мир был до ужаса хрупким — он не выдержал бы первого же серьезного удара. В тот день, когда он рухнет, эта чистота станет проклятием, а отцовская любовь превратится в

жестокую насмешку судьбы.

Ли Жун сжал кулон в ладони. Острые края креста больно впились в кожу — эта боль постепенно становилась привычной, принося странное онемение.

— Твой отец, должно быть, возлагает на тебя большие надежды, — тихо произнес юноша.

Хэ Чанфэн вскрыл банку с газировкой и жадно отхлебнул:

— Еще бы. Я ведь должен буду продолжить семейное дело. Хочу кое-что изменить, иначе какой смысл было идти на биохимию?

Ли Жун грустно улыбнулся:

— А разве сейчас что-то не так? Что именно ты хочешь изменить?

Хэ Чанфэн задумался:

— Тебе не кажется, что все вокруг только и делают, что штампуют дженерики? Гонятся за легкими деньгами, плетутся в хвосте у Запада. Кто у нас занимается реальными инновациями? Биотехнологическая компания «Сухэ», «Чансин», «Байжань»? Ну, и те конторы, что зарегистрировал исследовательский институт «Хунсо». Мы безнадежно отстаем от мировых стандартов. Вот когда я встану у руля компании, я сокращу этот разрыв.

— Что ж, буду ждать этого дня, — Ли Жун убрал цепочку в карман и незаметно нажал кнопку «стоп» на диктофоне.

Чанфэну показалось, что сегодня сосед ведет себя странно, но он списал это на болезнь.

— Слушай, может, тебе всё-таки сходить в медпункт?

Ли Жун покачал головой:

— Нет, у меня еще дела. Приятного аппетита.

Прикрыв рот рукой, он зашелся в сильном приступе кашля. Юноша достал из шкафчика бутылку воды и, не раздумывая, проглотил очередную таблетку жаропонижающего. Сон не принес облегчения: стоило лекарству перестать действовать, как жар вернулся с новой силой. Прогоулка по морозу явно не пошла на пользу.

Подавив слабость, он покинул общежитие. По дороге домой он первым делом написал Цэнь

Сяо.

[Ли Жун: Я проснулся, мне уже лучше. Закажи мне что-нибудь легкое на обед]

[Цэнь Сяо: Закажу что-нибудь диетическое. Я скоро буду]

[Ли Жун: Хорошо]

Затем он открыл чат с Цзи Сяочуань.

[Ли Жун: Сяочуань, мне нужно, чтобы ты наладила контакт с Хэ Чанфэном из второй группы. Представься от имени комитета класса или студсовета — неважно. Присматривай за ним эти пару дней и жди моего сигнала. Если потребуется, ты должна будешь показать ему все доказательства преступлений фармацевтической компании «Мэйцзян». Я пришлю тебе полный пакет документов перед тем, как мы приедем в компанию]

[Цзи Сяочуань: Лидер, вы отправляетесь в «Мэйцзян»?]

[Ли Жун: У нас с Цэнь Сяо рейс сегодня вечером]

[Цзи Сяочуань: Тогда будьте осторожны]

[Ли Жун: Не сомневайся]

Он вернулся в квартиру Цэнь Сяо как раз к доставке еды, но кусок не лез в горло. Юноша взглянул на часы: час дня. До выезда оставалось не более четырех часов. Кое-как заставив себя съесть пару ложек, он впал в тяжелое забытие на кровати. Но он боялся пропустить сообщение от Хуан Байкана, поэтому выкрутил громкость уведомлений на максимум.

В половине четвертого вернулся Цэнь Сяо. Первое, что он увидел, — почти нетронутый обед на столе. Ли Жун свернулся калачиком под одеялом, его ресницы мелко дрожали — сон был тревожным и неглубоким.

Цэнь Сяо осторожно приложил ладонь к его лбу и прошептал, склонившись к самому уху:

— Почему ты всё такой же бледный?

Впрочем, лоб парня уже не казался таким обжигающим. Почувствовав знакомое присутствие, Ли Жун медленно открыл глаза. Он лениво вытянул руку и обвил шею Цэнь Сяо.

— Мне уже лучше. Жар почти спал.

Цэнь Сяо подался вперед, намереваясь поцеловать его в губы, но Ли Жун увернулся, сощурился глазами:

— А если это грипп? Я же тебя заражу.

Мужчина настойчиво коснулся его горячих губ коротким поцелуем:

— Говорят же: передашь болезнь другому — сам быстрее поправишься.

— Глупости, суеверия и лженаука, — фыркнул Ли Жун, покачав головой.

Цэнь Сяо смиренно принял замечание и бережно укутал обнаженную руку юноши обратно в одеяло.

— Слушаюсь, учитель Ли. Но моё желание поцеловать тебя — отнюдь не лженаука.

<http://bllate.org/book/15351/1444165>